

ЕЛИЗАВЕТА ЛИХАЧЕВА: «ЭТО БУДЕТ САМЫЙ ПОСЕЩАЕМЫЙ ПРОЕКТ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ МУАРА»

Что ждет нас в новом сезоне?

Если бы я пыталась обозначить грядущие осенью проекты одним словом, я бы сказала «музей». Потому что главные проекты, которые мы долго готовили, — это проекты из собрания музея, показывающие работу музея и его сотрудников. Это прежде всего выставка про музейную реставрацию — «Профессия — реставратор. Мастерские Музея архитектуры имени А. В. Щусева». Реставрация — малоизвестная тема. Мы приходим в музей, видим предметы, стоящие в экспозиции, нам кажется, что в музее все в приличном качестве, в хорошей сохранности. Но на самом деле вы себе не представляете, из какого сора — в буквальном смысле — из груд дерева или из обрывков бумаги реставраторы восстанавливают вещи. Это дико интересно, интересно еще и потому, что мы на выставке покажем ту часть коллекции, которую вообще мало кто видел, включая авторскую модель Казанского собора в Санкт-Петербурге.

Второй крупный проект — это выставка «Константин Мельников», открываем мы ее в конце года и держим долго. Посвящена она 130-летию со дня рождения Мельникова, которое было в 2020-м. Но по понятным причинам в прошлом году такие выставки никто не открывал. Я надеюсь, что это станет проектом-сенсацией, потому что мы заново начинаем процесс переосмысления архитектуры Мельникова, его творчества, личности, да и всего русского авангарда.

Будут и проекты помельче: в ноябре открывается выставка, посвященная Венеции, проект в рамках года музеев России и Италии, в центре внимания довольно интересный документ — панорама Венеции длиной 22 метра, сделанная в 70-е годы XIX века. Мы привозим ее и дополняем предметами из своей коллекции. Откроется и выставка, посвященная творчеству современного акварелиста Андрея Есионова.

Насколько сложно найти партнеров и спонсоров для реставрационных проектов и есть ли какой-то расчет, что выставка привлечет к реставрации внимание? Довольно сложно. Хотя, казалось бы, реставрация — вещь очевидная: мы берем что-то в плохом состоянии и приводим в хорошее. Но мало кто вообще представляет, что такое музейная реставрация. Проект сейчас очень удачно стартует, потому что в следующем году мы запускаем открытую реставрацию модели Большого Кремлевского дворца, по самым оптимистичным прогнозам, это на семь лет. Найти партнеров на такой проект крайне тяжело, реставрацию БКД мы будем делать целиком на деньги Министерства культуры.

В чем уникальность реставрационных мастерских МуАра?

Почти половина фонда музея — это графика от конца XVII до начала XXI века, и у нас есть фантастические специалисты по ее реставрации. В год мы реставрируем 250–300 предметов. Нарботаны уникальные технологии по быстрому восстановлению бумаги, по тому, как убрать разрывы и загрязнения. Совершенно не хочу умалить заслуги коллег из других музеев, но я считаю, что в этой области у нас лучшая реставрация в городе и, возможно, в стране. Помимо графики мы храним негативы. Вообще, реставрация фото и негативов — относительно новая история. Раньше, если оригинал приходил в негодность, его просто переснимали и выкидывали. В 1950-е считалось, что ценен не носитель, а содержание. У нас реставрация негативов появилась 10–15 лет назад. Музей хранит 500 тыс. негативов.

С нуля мы вырастили мастерскую реставрации мебели и трехмерных объектов. Специфика нашей мастерской в том, что мы реставрируем модели и макеты. Они хрупкие и delicate. При этом модели мы храним уникальные — в постоянной экспозиции стоит, например, модель Калязинского монастыря Ивана Леонидова, визионера и гения русского авангарда.

Некоторое время назад музеям пытались навязать избавление от «непрофильных» функций — охраны, клининга или той же реставрации: Минкульт пред-

— Елизавета Лихачева, директор Музея архитектуры имени А. В. Щусева

лагал обращаться в крупные реставрационные центры и не заниматься ею самостоятельно. Регулирование тут тоже оригинальное: нельзя допускать до музейной реставрации неаттестованного специалиста, а аттестат он может получить, только отреставрировав предмет. Могу честно сказать, что мы допускаем молодых реставраторов до предметов под руководством старших товарищей, имеющих аттестаты. Иначе это будут хирурги, которые учились, делая операции на муляжах. Есть вещи, которые невозможно освоить теоретически.

А вообще молодые люди идут в профессию?

Да, и довольно много, потому что сейчас появились частные коллекции. Если лет 30 назад основной заказ был государственным, то сейчас это огромный рынок, профессиональных реставраторов не хватает. И у меня даже есть идея оформить лицензию на оказание подобного рода услуг, чтобы музей мог на этом зарабатывать, а люди получали услуги квалифицированных специалистов.

Пандемия в прошлом году похоронила много планов. В этом году вы закладываетесь на худший сценарий?

Вообще, всегда надо надеяться на лучший вариант и думать о худшем. Я надеюсь, что музеи не закроют. Ведь даже в блокадном Ленинграде работали Эрмитаж и филармония.

В перевод выставок и основной деятельности музеев в онлайн я не верю. Онлайн в виде лекций, постов в социальных сетях, фильмов может быть только дополнительным средством для исполнения основной задачи — привлечения посетителя в музей. Ведь никакой фильм о Микеланджело не заменит ощущение нахождения рядом с его «Давидом». Если музеи

будут вынуждены закрыться, мы продлим время выставок.

«Мельников»... Считаете ли вы, что это будет самый посещаемый проект из всех в году?

Я думаю, что это будет самый посещаемый проект за всю историю музея. История Мельникова — особая история для русской архитектуры. К выставке мы делаем каталог. Мы привлекли много людей к написанию статей, среди них и такие монстры, как Жан-Луи Коэн, и молодые сотрудники музея, которые нашли в архивах что-то, о чем никто раньше не знал и не писал. Я тоже пишу туда статью как искусствовед. И я поняла: есть так много тем, о которых я хочу рассказать, что не получается ничего написать. Такая же сложность была с организацией выставки. У нее три куратора: директор Дома Мельникова Павел Кузнецов, хранитель дома Анна Кистанова и я, и когда мы начали собирать выставку, нас чуть не снесла лавина. Мы спорили, количество экспонатов сократили в три раза (изначально было 1,5 тыс. предметов). Мы расскажем историю Мельникова по-новому и надеемся, что это будет первая глава в длинной истории, которая с нашей выставки начнется. Ведь последняя выставка Мельникова была в 1991 году в Пушкинском музее, не в самое удачное время из-за известных всем событий.

Кроме выставок в этом сезоне стартует и еще один проект — гигантский проект открытого хранения. Как и почему вы за него взялись?

Музей 30 лет назад потерял постоянную экспозицию. С тех пор мы бьемся в попытках ее вернуть. Я считаю, что музей без постоянной экспозиции — не музей. В прошлом году мы открыли фрески Калязинского монастыря. Сейчас откроем 4 тыс. предметов, среди которых 800 кирпичей, 3 тыс. изразцов, а также другие вещи, имеющие отношение к строительству. Проект стал возможным благодаря поддержке компании — кирпичного завода Вгаг. И для нас было важно найти такого партнера, который разбирается в теме, а не просто дает деньги. Ну и этот проект дает новую жизнь нашей «Руине», которая превратится в настоящее музейное пространство.

Беседовала Анна Минакова